

АНДРЕЙ МАЛЬЦЕВ*

«ВЗГЛЯД» И МЕТАФОРА ВЗГЛЯДА В СОЧИНЕНИЯХ А. Т. БОЛОТОВА**

Аннотация: В статье анализируются рассказы о «любовании природой» А. Т. Болотова (1738–1833) в контексте философских дискурсов XVIII в. Болотов смотрит на природу и описывает природу под влиянием немецких философов, и особенно Иоганна Георга Зульцера. При помощи особой оптики Болотов старается увидеть уникальность и неповторимость в каждом природном явлении. В своем воображении он пытается разглядеть согласованность всех явлений между собой, используя при этом метафору машины. Метафора машины предполагает взаимосвязанность всех явлений в мире и отсутствие разрывов. В свою очередь непрерывность в природе предполагает постоянство в социальном мире (где каждому отведено свое место) и подозрительное отношение к одиночеству и самозамыканию. «Любование природой» неотделимо от удовольствий, которые Болотов пытается сделать полезными для себя, что предполагает их особую экономику и прагматику. Болотов ищет цель у каждого явления природы, несмотря на наивность представлений о целесообразности в природе; он наблюдает природу и не видит себя как покорителя и преобразователя природы. Его представления о гармонии в природе согласуются с оптимизмом XVIII в., но Болотов беспомощен в попытках разрешить проблему зла в «лучшем из миров». Кроме того, анализируется, как «любование природой» определяет самоидентификацию Болотова.

Ключевые слова: Болотов, природа, визуальное, русская философия XVIII века.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-15-48.

Вот холм и дол, вот лес, вот гладь воды,
И между ними видимость вражды,
Но, мнимый хаос взору говорит
О том, что здесь гармония царит;
В различиях мы видим лучше строй
Там, где стихии ладят меж собой

Александр Поуп. «Виндзорский лес»
(пер. В. Микушевича)

Я не ищу гармонии в природе.
Разумной соразмерности начал
Ни в недрах скал, ни в ясном небосводе
Я до сих пор, увы, не различал.

Николай Заболоцкий. «Я не ищу гармонии...»

*Мальцев Андрей Александрович, к. социол. н., независимый исследователь, maap1313@gmail.com.

**© Мальцев, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Андрей Болотов — живший в XVIII веке среднепоместный тульский помещик, обычно определяемый как видный российский просветитель, внесший немалый вклад в развитие садоводства в России, любитель наук, философии, искусств, автор знаменитых объемных записок о своей жизни. Фигура с одной стороны выдающаяся, с другой — достаточно типичная для дворянства второй половины XVIII в. Среди многих своих увлечений Болотов выделял особый вид занятий, который имел для него определенную ценность, и описанию которого он посвятил немало страниц в своих воспоминаниях и отдельных работах в 1795–1796 гг.¹ Речь идет о любовании природой. В этой статье я расскажу о том, как Болотов любит природу, как он описывает свое любование природой в своих произведениях, и попытаюсь, насколько позволят размеры публикации, рассмотреть, как устроен, как организован взгляд Болотова, как он видит природу, а также, как особая оптика взгляда Болотова позволяет ему видеть не только красоты природы, но и принципы, по которым устроены природа, мир, общество, человек, а также затронутый обрамляющий взгляды Болотова на природу дискурсивный контекст, который в той или иной степени определяет его представления о природе (или сопутствует им) и дает возможность ему обнаружить себя и видеть себя в качестве любителя природы, с этой природой связанного, природу наблюдающего и природу «создающего». То есть, проще говоря, я попытаюсь проанализировать: что видит Болотов, как видит Болотов, как он рассказывает о том, что видит; что повлияло на взгляд Болотова, какие философские дискурсы сформировали взгляд Болотова на природу, и в чем специфика взгляда Болотова на природу.

Но сначала надо разобраться в том, какое место занимает «любование природой» в социальной жизни Болотова, в его самоидентификации и саморепрезентации. Само действие, которое можно назвать «любование красотами натуры» является для Болотова своего рода различительной стратегией, с помощью этого действия он осознано или непроизвольно выделяет себя в социальном и символическом пространстве. То есть, «любование природой» становится социальным маркером, и Болотов, указывая на этот отличительный признак, пытается выстроить и подчеркнуть дистанцию в отношении «невежественных дворян» и подлых

¹См. «Письма о красотах натуры» (Болотов, 1993: 133–203) и «Живописатель натуры» (там же: 205–342).

сословий, которым недоступны тонкие чувства. Благодаря этому Болотов, умея видеть то, чего не видят другие, и получать от этого удовольствия непорочные, находит свою нишу, позволяющую ему поддерживать положительную самооценку на фоне более успешных и не склонных к учености и добродетельному поведению «собратьев» по дворянскому сословию, для которых, похоже, неказистый Болотов время от времени становился объектом насмешек, судя по некоторым оговоркам самого Болотова. С другой стороны, Болотов, инвестируя себя, свои эмоции в «любование природой», пытается закрепиться и проявить себя в новом социальном контексте, где особые культурные навыки, указывающие на знания и способность к квалифицированным эстетическим суждениям, играют уже немалую роль при определении места человека в обществе. Но многие дворяне еще остаются в стороне от набирающих силу новых правил, регулирующих социальные отношения, поэтому «любование природой» кажется им пустым, глупым, никчемным и даже достойным презрения занятием. Отсюда происходит не доходящее до конфликта противостояние между Болотовым и его окружением, и «любование природой» становится своего рода залогом, ставкой в символической борьбе за право доминировать в социальном и культурном пространстве. Болотов в этой борьбе, безусловно, в конечном счете побеждает, но, не зная об этом, он вставляет в рассказы о природе жалобы на недооцененность и пренебрежение со стороны других людей.

Через любование природой Болотов опознает себя в наиболее комфортном для него способе существования. Его идентичность с соответствующим набором индивидуальных и социальных качеств во многом сопрягается с «любованием природой», так как любование природой поддерживает те черты и свойства, которые включены в самописание Болотова: миролюбивость, незлобивость, отсутствие карьерных притязаний, стремление к уединению, соединенное с открытостью для общения с приятными людьми, дружелюбие, простота в быту, любопытство и любовь к науке и т. д. Более того, подчас описание некоторых явлений природы помогает выявить своего рода антропологический и социальный идеал Болотова, или по крайней мере некоторые черты этого идеала: например, привлекают Болотова своими качествами занесенные из Африки, простые, кроткие и добронравные, пусть и презираемые кое-кем, цветы «бархатцы», и он проводит параллели между цветами и такими же простыми, кроткими, миролюбивыми людьми, к которым, как можно понять, причисляет и себя (Болотов, 1993: 238–242).

Вместе с тем в новой культурной ситуации, которая складывается в России во второй половине XVIII века, Болотов иногда в процессе трансакций получает от своей способности «любоваться природой» пусть и небольшие, но дивиденды, прежде всего символические и социальные, которые в ряде случаев удается конвертировать в денежное вознаграждение и в материальный прибыль. «Любование природой», как и занятия наукой, помогают Болотову наладить важные и престижные коммуникации, как, например, в случае с братьями Салтыковыми, когда общее пристрастие к любованию красотами природы создало атмосферу доверия между Болотовым и Александром Михайловичем Салтыковым (Болотов, 1872: 397–401). В данном случае разговор о красотах естества сыграл роль знака, по которому каждый из участников изначальной коммуникации опознал в другом «своего» с последующей взаимной симпатией. Навыки «любования природой» ставили Болотова на один уровень с просвещенной аристократией, благодаря чему, возможно, возрастала значимость этого вида деятельности для самого Болотова, несмотря на весь его скепсис по отношению к этой социальной группе.

Способность наглядно и связано демонстрировать чувства любви к природе превращается в знак, указывающий, что его носитель является просвещенным, способным к тонким чувствованиям, человеком. В определенных социальных, достаточно высокостатусных группах такие знаки пользуются уважением и престижем. Они превращаются в культурный капитал, и Болотов не жалеет сил на инвестиции в такого рода знаки и символы, несмотря на неодобрение со стороны окружающих его людей, принадлежащих к среднему и низшему дворянству.

Тут важно отметить, что для самого Болотова стремление к любованию красотами природы — это обособленное желание, независящее ни от каких социальных инстанций. Но в этом обособлении не стоит искать романтического одиночества, это скорее индивидуальное приобщение к истинному миру, приобщение к миру истинных, естественных удовольствий. Тем не менее, наслаждаясь красотами природы, Болотов помещает себя в пространство новых иерархий и противопоставлений, он участвует в формировании новых различительных стратегий, где на статус социального актора влияют не только сословные привилегии, служебные достижения или императорские милости, но и уровень его образования, культурные компетенции и эстетические пристрастия.

Кроме того, «любование природой», как и занятия наукой, как и пристрастие к книгам делают Болотова, по крайней мере в его воображении, частью европейского ученого и философского сообщества. И здесь есть

еще один любопытный аспект, связанный с самоидентификацией Болотова. В своих текстах о любовании природой Болотов не просто описывает красоты природы и свои переживания, с этими красотами связанные: он учит любоваться природой и пытается показать, как надо настроить оптику взгляда, чтобы видеть то, что другие не видят (распространенная сейчас метафора оптики здесь очень подходит). Болотов просвещает, он сознательно становится на позицию учителя и просветителя. Можно предположить, что мимо него не прошло одно место из его любимого романа «Телемак» Франсуа Фенелона, где рассказывается о том, как бог Аполлон, а потом и сам Телемак по указанию мудрого старца приобщают диких пастухов к удовольствиям невинным, учат их чувствовать волшебную красоту природы и наслаждаться прелестями сельской жизни, и тем самым смягчают нравы этих людей (Фенелон, Лубяновский, 2011: 32–34). Как и Телемак, Болотов, хотя прямо об этом и не пишет, готов возделывать дикую землю (т. е. укрощать нравы людей); по крайней мере, он, видимо, в какой-то мере примеряет на себя эту роль.

Я еще вернусь к этой теме, но замечу, что, вкладывая физические и эмоциональные ресурсы в любование природой, Болотов приобщается к философскому дискурсу, присваивает, пусть неравномерно, фрагментарно, частично философские представления, распространенные в XVIII веке в Европе.

Важно помнить, что те представления об устройстве мироздания, которые репрезентируются в рассказах Болотова о красотах природы (в интересующем меня аспекте) не являются чем-то оригинальным. Болотов ориентируется на распространенный (можно даже сказать доминирующий) в то время философский нарратив, который можно назвать повествованием о Великой цепи бытия (см. Лавджой, Софрон-Антони, 2001). Болотов был знаком с текстами немецких авторов, их список он приводит в своем философском труде «Путеводитель к истинному человеческому счастью...» (Болотов, 2012b: 671–673), но самое большое впечатление на Болотова еще в молодости произвели работы Иоганна Георга Зульцера², и эту привязанность к Зульцеру тульский

²Интерес к Зульцеру в России сохранялся довольно долго. Вышедший в 1770-ые годы словарь «Всеобщая теория изящных искусств» (*Allgemeine Theorie der schönen Künste*) в России долго считался образцовым произведением в области эстетики. Так, например: «В собрании российской академии 22 апреля 1811 года президент академии Нартов, заявивши, что, по его мнению, перевод на русский язык Зульцера словаря изящных искусств принесет великую пользу упражняющимся в российской словесно-

помещик пронес через всю свою жизнь. Болотов даже составил своего рода методичку «Опыт руководства к описыванию красоты и приятно-стей природы», опираясь на которую, он создавал свои тексты и стихи, посвященные природе и любованию природой (Веселова, 2014: 30). То есть, в данном случае Болотов ощущает себя, скорее, учеником; до какой-то степени здесь речь может идти о механическом копировании, но он не просто заимствует, а хорошо усваивает и присваивает правила дискурса, правила говорения о любовании природой и через этот способ говорения опознает самого себя.

Надо отметить, что Зульцер был последователем Христиана Вольфа (хотя и вступал с ним в полемику по мелким проблемам). Поэтому декларируемое Болотовым агрессивное антивольфианство есть не более, чем философское недоразумение (в отличие, например, от компетентного, хорошо обоснованного антивольфианства Леонарда Эйлера и других петербургских ученых). Антивольфианство Болотова — лишь результат некритичного восприятия речей его кенигсбергского учителя, философа-крузианца Даниэля Веймана, показывающее, насколько далек был Болотов от основных философских проблем и дискуссий того времени.

Кроме того, вероятно, не прошла мимо Болотова поэма Александра Поупа «Опыт о человеке», которая пользовалась большой популярностью среди почитаемых Болотовым немецких авторов (например, Зульцер в своих работах неоднократно ссылается и цитирует Поупа). Болотов вполне мог читать эту поэму в переводе Николая Поповского, а в своих записках о «бывших происшествиях» он сообщает о дошедшем до него неведомо как известии о новом переводе поэмы Поупа Евгением Болховитиновым (Болотов, 1989: 22).

Итак, чтобы наслаждаться красотами природы, необходимо должным образом настроить взгляд, то есть:

сти, предложил, не согласится-ли кто-либо из сочленов, сведущих в немецком языке, потрудиться над этим переводом...», выбрав статьи, касающиеся словесных наук, что впоследствии и было сделано — ряд статей из словаря были переведены и опубликованы в 1812–1814 гг. (Сухомлинов, 1878: 109–112). В 1813 году была переведена с французского написанная и изданная в 60-ые годы XVIII в. работа Зульцера «Общая теория удовольствий» (*Nouvelle Théorie des Plaisirs; Avec des Réflexions sur l'Origine du Plaisir*). Русский перевод другой, более ранней работы Зульцера «Разговоры о красоте естества» (*Unterredungen über die Schönheit der Natur*), которая оказала сильное воздействие на Болотова, был издан в России еще в 1777 году. Переводились и издавались другие, менее значительные его работы.

...нужно только смотреть на все не так просто и не так грубо, как смотрит большая часть сочеловеков [...], и не оставаться при одной поверхности вещей, а вникать умственными очами своими несколько глубже в их состояние и обстоятельства, до них относящиеся и принадлежащие [...]. Нужно обозревать их не с одной, а со всех возможнейших сторон и наиболее таких, которые могут трогать [...] душу чувствительную и производить в ней ощущения нежные и сладкие [...] Надобно стараться замечать наималейшие черты и обстоятельства, к тому способные, и, ловить их везде [...] (Болотов, 1993: 236–237).

Любование природой — это своеобразная встреча правильно настроенного зрения и природных явлений. Однако, сама по себе подобная модель взгляда предполагает, что между человеком и природой существует дистанция, но эта дистанция не предполагает противопоставления. Чтобы лучше видеть природу, надо «организовать» свое зрение, и тогда улучшится качество зрения, можно научиться различать то, что не увидишь простым взглядом, то есть, это своего рода приведение мутных, неотчетливых перцепций к ясности, отчетливости и наглядности. Подобный подход открывает дорогу разнообразию.

В какой-то мере Болотов-наблюдатель отделен от природных вещей, вместо вещей он видит «картины» природы, он как бы помещен в некоторое внутреннее пространство, куда зрение доставляет «картины» природы, и любит выхваченными из непрерывного потока фрагментами. То есть, для Болотова природа — это прежде всего репрезентация природы, представление природы (которое он иногда сравнивает с театральным зрелищем, а себя, соответственно, — со зрителем), и удовольствие он получает прежде всего от представления, которое дает природа. Взгляд Болотова чем-то напоминает объектив фото-кино-камеры, выхватывающей то одну, то другую часть действительности, внимательно, пристально и долго вглядывающийся то в одну, то в другую вещь. Это детализирующий, расчленяющий взгляд. Работу этого взгляда можно, наверное, уподобить камере-обскуре³, если вспомнить гипотезу Джонатана Крэри, что камера-обскура являлась парадигмальным способом

³Про камеру-обскуру молодой любознательный Болотов узнал, когда служил во время Семилетней войны в Кенигсберге: «Я истинно вне себя был от радости и удовольствия, когда увидел, как хорошо и каким неподражаемым искусством умеет сама натура рисовать на бумаге наипрекраснейшие картины, и, что всего удивительнее для меня было, наживейшими красками» (Болотов, 1870: 687). В Кенигсберге он купил камеру-обскуру и переделал в камеру-обскуру собранный из подручных материалов и купленных деталей «прошпективический ящик» («волшебный фонарь», судя по описанию). Здесь же Болотов впервые увидел микроскоп (там же: 685–688). О роли камеры-обскуры в жизни Болотова писал Александр Эткинд (Эткинд, Макаров, 2013: 292–294).

масштабной и сложной организации знания и наблюдающего субъекта в XVII–XVIII веках, своего рода моделью для объяснения взаимоотношения зрения и внешнего мира (Крэри, Потемкин, 2014).

И в своем воображении Болотов не фантазирует, а видит реальные картины, которые являются для него источником удовольствия (даже если эти картины рисуют зло, приносимое природой человеку). Болотов четко отделяет воображаемое созерцание от непосредственной встречи с природой, однако он мысленно присваивает воображаемым образам статус реальности, можно было бы сказать, видит их как объективно существующие состояниям природы, хотя и представляемые им в своем воображении. Болотову еще недоступно понятие «объективное», он не задается вопросом, как отделить субъективное от объективного, он просто мысленно воспроизводит виды природы внутри себя и наслаждается их созерцанием, переживает встречу с картинами природы, его переживания не воздействуют на образы природы (по крайней мере, он сам не предполагает такого видения природы), взгляд соединяет природу и переживания, но последние зависят от природы, а она остается чистой и свободной от переживаний, субъективное не вторгается в природу. Для Болотова неустойчивая текучесть внутренних переживаний не соотносится с природными состояниями, внутренний мир человека не искажает картин природы (даже если это воображаемые картины природы), взгляд Болотова свободен от субъективности, эмоции и переживания не способны изменить образы природы. Природа не подчиняется человеку, и Болотов даже не пытается «подчинить» природу своему взгляду, наложить на природу свои переживания, что, впрочем, не мешает ему ее антропологизировать и проводить параллели между человеческим поведением и природными предметами, подчас превращая рассказ о природе в назидательное, поучающее повествование, то есть, использовать картинку природы в дидактических целях.

Одновременно воображаемые картины природы позволяют ему выйти за рамки локального здесь и сейчас. В своем воображении он также стремится внимательно рассматривать каждый предмет, взгляд Болотова скользит от одной воображаемой картины к другой, одна картина сменяет другую, это вроде бы дискретный набор картин, но Болотов в своем воображении ищет способ связать все картины воедино через размышления о системе природы или о машине природы, о чем будет сказано ниже.

Такой подход к наблюдению за природой порождает множественность взгляда, взгляд расплывается на множество точек. Точнее, взгляд делит

мир на множество точек, каждая из которых уникальна и неповторима⁴. А если еще точнее, то взгляд открывает для себя разнообразие мира, разгоняет туман, застилающий глаза, снимает завесу незнания и невежества и видит то, что недоступно простому, неискушенному взгляду. Распадающийся, дифференцирующийся мир предполагает внимательный взгляд, дотошное, детализированное разглядывание каждого предмета. Взгляд направлен на поиск различий. Чем больше разнообразия схватывает взгляд, тем больше человек получает удовольствия — предполагал Зульцер (Зульцер, Левитский, 1813), и Болотов, похоже, хорошо усвоил наставления немецко-швейцарского эстетика. Отсюда, возможно, скрупулезное, въедливое, подробное и кажущееся излишним и утомительным, долгое перечисление мельчайших особенностей и свойств всех природных вещей, попавших в поле зрения Болотова. То же самое можно найти и в натурологических стихах Болотова (Веселова, 2014: 33).

Любование природой для Болотова — это переживание удивления, восторженного, в духе той эпохи. Это поток удивлений, почти беспрерывный, но вряд ли можно назвать его спонтанным и произвольным потоком переживаний. Это — искусственно настраиваемый самим наблюдателем, лелеемый, артикулируемый поток переживаний, это культивация переживаний, но также и желание переживаний, тяга к переживаниям, переживаниям особого рода — непорочным, непорицаемым и никому не вредящим удовольствиям. Но не стоит забывать, что правила самопредставления того времени диктовали эмоциональную избыточность, и Болотов в своем восторженном удивлении следует правилам своей эпохи.

Это удивление открывает дорогу тому, что невидимо для обычного взгляда. Взгляд Болотова «вытаскивает» скрывающиеся в обыденности и растворенные в привычной вещи. Прежде незамечаемое, простое

⁴Лейбниц, подчеркивая огромную роль малозаметного, плохо видимого, мельчайшего в устройстве мироздания, писал: «...В силу незаметных различий две индивидуальные вещи не могут быть совершенно тождественными и [...] они должны отличаться друг от друга не только нумерически» (Лейбниц, Юшкевич, 1983: 56). Совсем юный Гете, находясь под влиянием Лейбница, в своем письме к сестре не без кокетства и легкого зазнайства подчеркивает свое умение «видеть» мельчайшее, недоступное обыкновенному взгляду: «...Мы ученые, чтим вас, других и девушек, так — так, как чтят монады. Поистине, с тех пор, как я научился тому, что частичку света можно разделить на тысячу частиц, с тех пор, говорю я, я стыжусь того, что старался понравиться девушке, которая, может быть, и не подозревала, что бывают такие зверушки, которые могут станцевать менуэт на острие иглы» (цит. по: Кемпер, Жеребкин, 2009: 35).

и подчас даже презираемое обученный, сосредоточенный взгляд Болотова переводит в состояние важного, значимого, красивого, полезного, символического. Предметы и вещи, попадающиеся взгляду Болотова, становятся «видимыми», они уже существуют сами по себе как часть большого мира, созданного Богом.

Это не только эстетизация пространства или превращение природных вещей в объект научного исследования. Взгляд Болотова производит пространство природы, это переформатирование пространства, наделение вещей и предметов, расположенных в пространстве, новыми смыслами, поиск новых связей между ними, разбросанными в пространстве, казалось бы, без всякого смысла, порядка и предназначения. Но, надо заметить, среди смыслов, которыми Болотов наделял вещи, лежащие в пространстве, совершенно нет смыслов, отсылающих к национальной специфике, то есть, для Болотова нет такого понятия как «русская природа»: время для природы с маркировкой «русскости» еще не настало — это уже следующий этап символической колонизации пространства.

Но красота, как считает Зульцер — это разнообразие, сведенное к единству:

Известно, что красота зависит от разнообразия, приведенного ко единству. Предмет совершенно простой, в коем нечего раздроблять ни когда не может быть прекрасным. И качество сие всегда предполагает множество и разнообразие частей в одном предмете. Но, одно, множество частей не составляет еще прекрасного; для сего потребно разнообразие в единстве (Зульцер, Левитский, 1813: 38).

Гармония и совершенство мира — это разнообразие и согласованность, которые не мыслятся друг без друга:

Поскольку совершенство состоит в согласии многообразного, а это согласие тем больше, чем больше имеется многообразия согласующихся друг с другом вещей, постольку, следовательно, более совершенен тот мир, в котором имеет место наибольшее многообразие вещей, и где, следовательно, больше и воспринимается, нежели там, где имеется меньше различий и меньше находят их для восприятия (Вольф, Жучков, 2001: 297).

«Любование природой» — это работа внимательного взгляда, работа, требующая усилий, работа, извлекающая порядок из нагромождения предметов и вещей. Поэтому любование природой — это не просто изумление при виде природного изобилия и многоцветия, это напряженная деятельность умственного взора, обнаруживающего связи между элементами природы. Надо уметь тренированным взглядом увидеть не

просто разбросанные в природе предметы, а некое единство и гармонию. У людей не видящих премудрого порядка в природе испорчено зрение (Зульцер, Протопопов, 1777: 90). Умственный взор (духовный взор) различает, разделяет и связывает. Здесь важную роль играет знание о наблюдаемых вещах: красота предмета неотделима от понятия о предмете. Чем больше понятий о предмете и о мире способен составить для себя человек, тем больше удовольствия получает он от наблюдения за природой. Красота вещи неотделима от понятия об этой вещи. Чем больше мы знаем о вещи, тем лучше видим эту вещь, тем прозрачнее она для нас, тем прекрасней она для нас, тем больше мы получаем наслаждения от созерцания этой вещи — считал Зульцер. Например, профан, необремененный астрономическими знаниями, смотрит на звездное небо, и, возможно, вид неба первоначально впечатлит его, но это потрясение быстро утихнет, и он отвернется, неспособный произвести каких-либо различений в огромном скоплении звезд. Но, если тот же человек приобретет астрономические знания, то вместо случайного и скучного скопища небесных светил ему представится космическая гармония, наслаждение от вида которой будет долгим и устойчивым (Зульцер, Левитский, 1813: 53–54). Таким образом, эстетическое наслаждение — это еще и познавательная деятельность души. Поиск красоты и познание мира, поиск истины неотделимы друг от друга. Счастье и благополучие человека так же зависят от количества понятий о мире. То есть, эстетические и познавательные способности прямо влияют на бытие человека и его место в мире.

На эти же принципы опирается Болотов, поэтому его взгляд на то или иное растение иногда напоминает взгляд ботаника и естествоиспытателя. И, конечно, своим умственным взором Болотов постоянно выходит за пределы данного здесь и сейчас, он наслаждается работой воображения, где перед его внутренним взором встают картины, демонстрирующие взаимосвязи вещей в природе (хотя многое еще в природе неизвестно, и, может быть, никогда не откроется человеку). Болотов прибегает к метафоре машины (очень распространенной в то время), мир для него — непрерывно работающая машина, где все природные вещи подогнаны друг к другу, где все они «цепляются» друг за друга, все согласованы друг с другом.

Болотов в своих размышлениях почти не переходит на уровень метафизики, но, если продолжить рассуждения в духе «мир есть машина» (а такие рассуждения были популярны в XVIII веке), то можно сказать, что из этого действующего совершенного механизма (подобного часам,

если вспомнить еще одну распространенную метафору того времени) ничего нельзя изъять без потери для мира в целом. В этом мире все занимает свое место и не может быть уничтожено без вреда для единства и совершенства лучшего из миров. Мир подобен часам, писал Христиан Вольф:

...если из часов изъять одну часть, от которой зависит их ход, и заменить ее на другую, то часы более не будут оставаться тем же самым, что и прежде. Если с колеса спилить хотя бы один зубец, то после такого изменения у часов будет совершенно другой ход [...] (Вольф, Жучков, 2001: 281).

Не только мир в целом есть машина: каждая часть мира работает как машина, «все произведения природы от камня даже до человека суть машины...» (Зульцер, Левитский, 1813: 71), и «целое растение в себе есть без сомнения славная машина». Она хоть и отличаясь от искусственных машин, но намного лучше них, ведь даже растение состоит из других машин, даже пыльца на растениях суть машины: «Каждая из сих пылинок есть весьма удивления достойная машина» (Зульцер, Протопопов, 1777: 55–58). То есть, как писал Лейбниц: «...машины в природе, т. е. живые тела, и в своих наималейших частях до бесконечности продолжают быть машинами» (Лейбниц, Бобров, 1982: 425).

И, конечно же, постижение прекрасного тесно связано не только с познанием мира, но и с добродетельным поведением. Моральные еженедельники, получившие распространение в первой половине XVIII века в Европе, в том числе в Германии, и которые, вероятно, не прошли мимо Болотова (и возможно, Болотов сам хотел выпускать подобный моральный журнал⁵), настоятельно обращают внимание читающей публики на воспитательную ценность прекрасного. Так, исследователь немецких «моральных еженедельников» Вольфганг Мартенс пишет:

Не ссылаясь прямо на античный идеал калокагатии, тесного внутреннего единства эстетически-прекрасного и нравственно-добраго, моральные еженедельники пытаются настоятельно обращать внимание читающей публики на воспитательную ценность прекрасного, прежде всего в поэзии, и тем самым стремятся к подобным же целям. Добродетелен — к середине века это положение делается общим местом — не человек разумный и религиозный,

⁵Болотов вспоминал, что после того, как прекратился выпуск «Экономического магазина», он задумал издавать журнал нравственный, посвященный пользе «детей взрослых и малолетних», приложил к этому довольно много трудов, но у него ничего не получилось, и он в конце концов потерял интерес к этому журналу (Болотов, 1873: 533–534).

но человек, одновременно к тому же и эстетически воспитанный (цит. по: Михайлов, 1975: 515).

Это мир, в котором нет разрывов, мир, который не терпит разрывов. Природа не делает скачков, и все изменения должны быть постепенными — это правило, по которому определяется совершенство мира (Вольф, Жучков, 2001: 296). Конечно, такое представление об устройстве мира легитимизировало социальную иерархию (оправдывало несправедливость, связанную с социальным неравенством) и консервировало социальный порядок, но, как заметил Артур Лавджой, в этом мире:

...подчинение должно быть лишено раболепия. Ни одно создание не было предназначено [...] только для того, чтобы служить благополучию расположенных выше на лестнице. Каждое создание имеет свое независимое основание для бытия; в конечном счете ни одно не является более важным, чем другое; и каждое, следовательно, имеет право на уважение и внимание, право жить своей жизнью и право на обладание всем, что может быть необходимо для исполнения своих обязанностей, для пользования привилегиями и прерогативами своего положения (Лавджой, Софронов-Антомони, 2001: 214–215).

Мир, где нет разрывов, где все происходит постепенно, и царит порядок, не предполагает наличия ничего сверхъестественного, то есть, в этом мире нет чудес, они ставятся под сомнение. Правда есть Откровение и есть опасность, что отрицание чудесного повлечет за собой обвинения в деизме, и даже в атеизме. Однако Христиан Вольф весьма категоричен: «...чудеса противоречат ходу природы и тем самым нарушают его» (Вольф, Жучков, 2001: 299). В чуде слишком много непостоянного, чудо происходит сразу, в одно мгновение, чудо — это скачок, а, значит, разрыв в естественном ходе вещей, разрушение порядка и обрушение постепенности. Поэтому Бог не торопится с чудесами, и там, где можно что-то сделать постепенно, естественным образом, он отказывается от чудес: «Поэтому способ Откровения должен придерживаться сил природы настолько, насколько это возможно» (там же: 342).

Болотов хорошо усвоил подобный ход мысли. Для него чудесное не должно выходить за рамки возможного, за пределы здравого смысла. В своей книге «Детская философия» он учит детей просить у Бога только то, что не противоречит здравому смыслу и установленному порядку природы. Бог не совершает чудеса без особой нужды, и не надо додумывать его разными невероятностями и дурачествами. Нельзя просить у Бога, чтобы остановилось солнце, но можно просить, чтобы

выздоровел близкий человек (Болотов, 2012а: 141–142). То есть, божественное чудо оказывается заперто в рамках возможного. Но в этом случае нельзя определить, что является чудом, а что — результатом естественного хода вещей; нельзя опознать, где работает божественное чудо, а где — естественная причина. Но Болотов, похоже, не пытается задавать себе подобные вопросы; он даже не осознает, в силу пробелов в философском образовании, что он уже в данном случае вплотную приблизился к деизму.

Мир, в котором живет Болотов, уже потерял божественное чудесное, но еще не увидел Человека, способного творить чудеса. Можно вспомнить, например, многочисленные рассказы про «чудеса» науки и техники, или семиотику и метафору чуда в советских нарративах, например, многочисленные рассказы про перевыполнение плана («рабочие такого-то завода совершили чудо, выполнив план в небывало короткий срок»).

Апологетика непрерывности предполагает подозрительное отношение к одиночеству. Для Поупа всеобщая взаимозависимость не оставляет места обособленности: «Нет в свете ничего, чтоб особливо было» (Попе, Поповский, 1802: 42). Цепь бытия соединяет всех и привязывает всех друг к другу. Отшельничество — это не более, чем притворство, каждому человеку нужен хотя бы друг. Каждое существо в мире уникально, неповторимо и заботится о собственном благополучии (любит себя), но даже самая малая частица стремится к союзу, любви и дружбе с другой частицей (переходит от любви к себе к любви к другим существам⁶). Человек сначала любит своих близких, а потом и все общество. Вражда и войны, порождающие разрывы, связаны не с порочностью человеческой природы, а с испорченностью человека, ибо изначальное естественное состояние общества — это мир, любовь и дружба между людьми⁷.

⁶ «...Любовь к самому себе и любовь к другим есть та же и разделиться не может; и чем кто искреннее себя самого любит, тем больше должен стараться о пользе и целости всего общества» — резюмирует Поповский в своем предисловии к поэме Поупа (Попе, Поповский, 1802: 7).

⁷ Поуп вступает в полемику с Гоббсом и Мандевилем, отталкиваясь от мысли Шефтсбери, что люди не смогли бы объединиться в общество, если бы в человеке изначально не было заложено стремление к соединению с другими людьми: «...Если образовывать семью — естественно, если естественные привязанности, забота и воспитание потомства — естественны, если при этом с человеком дела обстоят так, как они обстоят в действительности, и он является созданием с определенным обликом и устройством тела, — то отсюда следует: общество неизбежно и естественно для него, и без общества и союза с людьми

Для Зульцера одиночество, ведущее к самозамыканию, лишает человека доступа к разнообразию⁸, что, в свою очередь, ведет к умственной, эстетической и моральной ограниченности. Человек, изолированный от общества, лишенный связей с обществом, не может составить о мире и предметах множества понятий, поэтому жизнь его скудна, ему недоступны истинные (умственные) удовольствия. Он просто не знает, что такое счастье и благополучие. Для обозначения такого человека Зульцер подбирает подходящее английское слово — *Selfness* (Зульцер, Левитский, 1813: 129). Человек, оторванный от общества, «заключенный» где-то в темном уголке мира, не способен понимать тонкую красоту, ибо «число понятий сего человека будет чрезвычайно мало», его ум будет неподвижен, его душа не сможет развернуться — ей не над чем будет трудиться, и человек будет оторван от истинного удовольствия и счастья, в своем невежестве он будет подобен скотам. Чтобы сделать его счастливым, надо вывести его в большой свет и показать все, что он не мог видеть в своем уединении (там же: 109–110).

Человек, бегущий от людей, а тем паче — человеконенавистник (мизантроп) не склонен к добродетели. Человек от природы желает делать добро, получать удовольствие от добрых поступков — это естественное поведение человека, изначально заложенное в его природе⁹. Но влечение к добродетели надо совершенствовать. Совершенствование добродетельных задатков требует умственной работы. Умственная работа нужна для того, чтобы понять страдания других людей, чтобы проникнуть в чувства другого, проникнуться чувствами другого человека. По мысли

человек не может существовать и никогда не существовал» (Шефтсбери, Михайлов, 1975: 160–161). Спор здесь, конечно, не только об обществе, но и о природе человека.

⁸Совершенство, прежде всего эстетическое, это единство в разнообразии, но Зульцер отдает предпочтение разнообразию, склоняется в сторону разнообразия, так как разнообразие важнее для человека, а отсутствие разнообразия «бывает для нас несносным» (Зульцер, Левитский, 1813: 44), не забывая, впрочем, упомянуть, что избыток разнообразия приносит дискомфорт и приводит в замешательство.

⁹Кант в подстрочном примечании в работе «Антропология с прагматической точки зрения» приводит анекдот о Зульцере (вероятно, не совсем достоверный), где Зульцер в разговоре с королем Фридрихом II, ссылаясь на Руссо, утверждает, что человек от природы добр, на что король по-французски ответил: «Мой дорогой Зульцер! Вы недостаточно хорошо знаете эту скверную расу, к которой мы принадлежим» (Кант, Соколов, 1966: 587, 700). Далее Кант, выражаясь довольно туманно, дает понять, что монарх, публично объявивший, что является слугой государства, говоря об испорченности человеческого рода, признается, что вынужден прибегать к дурным методам управления, и, таким образом, получается, что суждения о плохой человеческой природе служат оправданием для скверных методов управления государством.

Зульцера на развитие добродетельных чувств влияет опытность: чем больше человек общается с другими людьми, тем лучше он способен понять их, понять их горести и печали, а, значит, может сопереживать этим горестям и печалям, перенося их на себя. Таким образом количество коммуникаций влияет на качество добродетельных чувств. В свою очередь, чем больше человек совершает добродетельных поступков, тем больше он испытывает удовольствия, и тем ближе он к счастью и благополучию. Соответственно, отделенный от общества человек будет лишен доступа к красоте, добронравию, удовольствию и счастью¹⁰.

Зульцер, сам не замечая того (хотя, как истый рационалист XVIII века он готов «поверить алгеброй гармонию»), находит внешний количественный эквивалент удовольствию и счастью: в одном случае это количество разнообразных понятий о мире, в другом — это количество коммуникаций и социальных связей (хотя, конечно, нравственные чувства, заложенные в природе человека, только к этому не сводятся). Зульцер ставит счастье и благополучие человека в зависимость от разнообразия и тонкости чувств и невольно, но ожидаемо выстраивает своеобразную иерархию, в самом низу которой он помещает тех, кто отлучен от общества, кому недоступно образование, и кто в силу каких-то причин неспособен к напряженной умственной работе: например, живость характера играет в этом случае немалую роль, давая преимущества людям с живейшим телосложением (темпераментом). На низших ступенях иерархии оказываются грубые, оставшиеся в стороне от радостей просвещения народы, которые, в силу своего положения в мире, отчуждены от красоты, добра, изысканных чувств, рафинированного удовольствия и счастья:

Народы, омраченные невежеством, совершенно лишены возвышенных удовольствий. Одни только образованные и просвещенные плавают, так сказать,

¹⁰В данном случае, конечно, не надо выпускать из виду многочисленные нарративы о связи одиночества и истины, существовавшие со времен Античности, и принявшие новый облик в XVIII веке. Например, для Руссо уединение необходимо, чтобы отрешиться от всего «противоестественного» (даже, если это нежелательное одиночество, как, например, у Робинзона Крузо) с последующим определением естественных человеческих потребностей, опираясь на которые необходимо строить жизнь в обществе. Но были и другие способы легитимизации одиночества и даже мизантропии, которые, например, позволили Ломоносову время от времени примерять на себя роль мизантропа (Осват, 2004), что, впрочем, не мешало ему успешно взаимодействовать с императорским двором (Осват, 2007); не следует забывать и о постепенной валоризации одиночества и уединения в Европе XVIII века.

в море удовольствий, находя соответствующие всем своим способностям, как чувственным, так и умственным (Зульцер, Левитский, 1813: 68).

Способность благодаря работе ума видеть мельчайшее, обостряет восприятие и чувства, и просвещенные народы «...гораздо чувствительнее ко всем родам удовольствий и досад; они знают их гораздо более, нежели грубые народы, коим невежество не позволяет трогаться множеством вещей, нас трогающих» (там же: 27). Отсюда — культурная дифференциация и различия во вкусах, и поэтому, например, африканские дикари не способны понимать изысканную женскую красоту, в отличие от жителей европейских городов (там же: 61–62). Также в области моральных суждений и поступков «...очевидно, что внимание, размышление и пронизательность производят и усиливают нравственные чувства...», и «...между грубыми народами приметно мало человечества и чувствований. На против того между образованными народами и оне повсюду приметны» (там же: 131).

Однако, если внимательно вчитаться в рассуждения Зульцера, то можно заметить, что он негативно оценивает даже не столько одиночество само по себе, сколько закрытость от мира, которая не позволяет видеть (охватывать умственным взором) разнообразие мира и понимать разнообразные и сложные человеческие переживания. К тому же нарративы о «любовании природой» чаще всего предполагают индивидуальную встречу с природой, что будет особенно заметно потом в романтизме. Для Болотова «любование природой» — это почти всегда сугубо индивидуальное времяпрепровождение, хотя и без специфического романтизированного культа одиночества.

Возможно, Болотов сумел разглядеть оппозицию грубых и тонких чувств в работах Зульцера, возможно его привлекала обрисованная Зульцером иерархия, где он мог бы найти себя на высших ступенях лестницы, что, конечно, подталкивало его к тому, чтобы идентифицировать себя как «любителя природы» и настаивать на этой идентичности вопреки насмешливому неодобрению со стороны грубого, малообразованного провинциального дворянства. Так же, как сделанная Зульцером ставка на открытость, живость характера (не предполагающая разнузданности и порочного поведения), активность в познании мира и природы вполне могла привлекать к себе любознательного, общительного, порывистого и нетерпеливого (как он сам себя характеризовал), деятельного Болотова.

Кроме того, сочинения Зульцера давали Болотову ключ к работе с удовольствиями. В текстах Болотова: и в его «Жизни и приключениях...», и в философских произведениях много внимания уделяется удовольствию. В его знаменитых воспоминаниях регулярно включаются сцены, где он описывает, как получает удовольствие от созерцания природы, от воображаемого созерцания прошлого, просто от встреч и бесед с хорошими, учеными людьми, от собственных поступков и много другого. Слово «удовольствие», синонимичные с ним слова, фразы и словосочетания, отсылающие к удовольствию, очень часто встречаются в его произведениях, даже, если убрать оттуда эпизоды, где слово «удовольствие» используется со смыслом «удовлетворение». Хотя описания получаемого удовольствия довольно однообразны, частота и настойчивость, с которой сообщается о данном эмоциональном состоянии, заставляет предположить, что удовольствия для Болотова не только были своего рода ценностью, но и проблемой. Стремление к удовольствиям для Болотова — это не спонтанная жажда наслаждения, не стихийный гедонизм: скорее, здесь можно найти самоманипулирование. Все, что связано с удовольствиями для Болотова — это серьезная работа над самим собой, это производство удовольствий, это тонкая и тщательная работа с предметным миром в связывании внутреннего удовольствия и внешних предметов.

Болотов никогда не забывает подчеркнуть, что встреча с картинами природы при непосредственном соприкосновении или в воображении всегда сопровождается удовольствием. Это поток удовольствий, который сопровождает поток картин природы и поток восторженного удивления. Картины природы, поток удивлений и поток удовольствий перемежаются, цепляются друг за друга, иногда просто сливаются вместе. Соответственно, предполагается, что взаимоотношения между этими тремя потоками построены по принципу «стимул — реакция», то есть, картина природы вызывает удивление и доставляет удовольствие, и надо благодарить Бога и природу за это благодеяние. В телеологии Болотова, где каждому природному явлению должна быть изыскана цель, важную роль играет именно эта способность природы дарить людям радость и веселие своею красотой, разнообразием, гармонией. Надо только научиться видеть красоты природы. Казалось бы, субъектность и внутренняя активность самого Болотова здесь сведены к минимуму. Однако, Болотов не просто констатирует, что получает удовольствие от того или иного предмета (картины природы, животного, растения и т. д.) или от собственных действий, душевных и телесных состояний.

Он рефлексивирует, ищет, отбирает те или иные виды удовольствия, определяет какие удовольствия пригодны для него, а какие надо исключить, напряженно думает об удовольствиях и их месте в своей жизни. Например, после воображаемого разговора со своей собакой датской породы, Болотов погружается в размышления:

Я мыслил о себе, о других человеках и о всех животных, живущих с нами на земле, а сии мысли нечувствительно завели меня далее. Я углублялся даже в самые философические размышления, мыслил о существе, силах и свойствах душ наших и обо всем происходящем в них. А паче всего о том, отчего происходят в них радости, веселия и удовольствия и чем они нами и как производимы в них быть могут. И размышляя о сем, не однажды восклицал: «О! как это нужно, чтоб иметь нам о том искусстве понятие, которое нам нужно к тому, чтоб уметь в душе нашей производить веселия и удовольствия и не давать зависеть им от одних дорогих и редких вещей или от обстоятельств и происшествий, не состоящих у нас во власти и не зависящих от произволения нашего, а уметь извлекать их всегда, когда ни похотим из всего и из всех окружающих нас вещей и употреблять к тому не только людей, но и самых животных так, как теперь употреблял я к тому центавра моего (центавр — собака Болотова. — А. М.). А наконец, уметь заставлять и самые неодушевленные вещи производить собою удовольствия нам и тем и с своей стороны поспешествовать нашему блаженству» (Болотов, 1993: 323).

Приведенный отрывок очень хорошо показывает отношение Болотова к удовольствиям. Есть некое первоначальное стремление души — стремление к удовольствиям (можно было бы назвать это «либидинальной энергией», но в данном случае лучше воздержаться от психоаналитических терминов). Если для Зюльцера стремление к умственному и нравственному удовольствию — это естественное состояние человека, то есть предмет для удовольствий как бы уже задан, надо только найти его, постигнув разнообразие, красоту, гармонию мира, очистившись от дикости, варварства, глупости, то для Болотова само по себе стремление к удовольствию не имеет ясного предмета, это своего рода смутный объект желанья, это могучая беспредметная энергия, давящая на человека изнутри, способная погубить человека толкнув его в сторону порока и безнравственности. Поэтому для Болотова основная проблема — не пробиться к естественному удовольствию, то есть удовольствию от добродетельных поступков, от разнообразия и гармонии мира увиденных с помощью активной деятельности ума, благодаря которой множится количество понятий о мире. Его не заботит проблема «естественного состояния» человека, его основная проблема — это направить энергию

удовольствий в нужное русло, он хочет регулировать потоки удовольствий, разум нужен ему не для того, чтобы прямолинейно подавлять удовольствия¹¹ (как, например, в классическом варианте борьбы разума со страстями, разум у Болотова слишком слаб для открытых репрессий), а для того, чтобы связывать удовольствия с новыми предметами — непорочными и непорицаемыми, и тем самым обезопасить свое социальное бытие, сохранить свою тождественность религиозным принципам, обеспечить бесконфликтное существование в обществе. Кроме того, что любопытно, Болотов пытается найти удовольствия, которые бы помогли ему эмансипироваться от внешнего влияния. То есть, с одной стороны, он пытается минимизировать конфликтность с внешней средой, с другой — ищет способы освободиться от зависимости от внешнего окружения. Именно для этого ему нужны удовольствия. Поиск непорочного, безопасного, эмансипирующего удовольствия заставляет взгляд Болотова искать разнообразие, порядок, гармонию в природе. Больше того, добродетельный поступок (не только по отношению к людям, но и животным), предполагающий эмпатию (удовольствие от удовольствия других) — это для Болотова не столько влечение к естественному состоянию, сколько производство удовольствия в своей душе, помогающее отстраниться от «непригодного» удовольствия в пользу удобных видов удовольствия¹². Это отбор нужных и полезных удовольствий с соответствующим предметным наполнением. Это инвестиции в удовольствия и желания с ожиданием некоторой выгоды для себя, которая состоит еще и в получении дополнительного удовольствия, то есть, приращении

¹¹Здесь необходимо обратиться к основному философскому труду Болотова «Путеводитель к истинному человеческому счастью» (Болотов, 2012b), но, к сожалению, рамки статьи не позволяют подробно рассмотреть проблему удовольствия у Болотова.

¹²Не надо объяснять, насколько такое отношение к моральному поступку не соответствует основаниям и мотивам нравственного закона у Канта. Но не стоит забывать, что, скорее всего, мнение о том, что должна существовать взаимосвязь между добродетельным поступком и удовольствием, было широко распространено в XVII–XVIII вв. Человек должен получать удовольствие от добронравного поступка, «...добродетель заключается в удовольствии духа» (Лейбниц, Юшкевич, 1983: 162). В принципе, человек, даже не получая от благонравного поступка удовольствия в настоящем, должен ожидать «вознаграждения» в будущем, но это слишком абстрактное вознаграждение, которое далеко не всегда перевешивает актуальные переживания — рассуждал Лейбниц в споре с Локком, соглашаясь с ним (там же: 184–211). Многие зависят от воспитания. Но человек сам, своими усилиями может приучить себя к удовольствию от добродетельного поведения: «...Взрослый человек, лишенный отменного воспитания, должен начать... искать светлых и разумных удовольствий, чтобы противопоставить их смутным, но захватывающим нас чувственным удовольствиям» (там же: 188).

удовольствия, что в свою очередь поддерживает состояние внутреннего комфорта, к чему Болотов всеми силами стремится.

Это своего рода производство желаний, производство удовольствий, хотя понятно, что под словом «производство» Болотов понимает изготовление, создание, ни в коем случае не вкладывая в него современные экономические смыслы. Однако здесь можно говорить об экономике и прагматике удовольствий. Для Болотова удовольствия — не только ценность и цель, но инструмент, с помощью которого он, несмотря на всю наивность своих рассуждений, пытается решить собственные социальные и экзистенциальные проблемы.

С наивной прагматикой связана еще одна особенность рассказов Болотова о природе — это повторяющиеся и довольно натужные попытки найти любому природному явлению цель. В данном случае Болотов скорее плохой ученик Зульцера, который в свою очередь в своих суждениях о целесообразности природы движется вслед за Вольфом и Лейбницем. Возможно, не обошлось без влияния Поупа. Когда-то Энгельс писал о плоской вольфовской телеологии, «...согласно которой кошки были созданы для того, чтобы пожирать мышей, мыши, чтобы быть пожираемыми кошками, а вся природа, чтобы доказывать мудрость творца» (Энгельс, Айхенвальд, 1961: 350). Возможно, замечание классика марксизма не совсем справедливо, но разговоры о целесообразности у Болотова намного вульгарней и примитивней даже этой высмеянной Энгельсом телеологии. Болотов лишь хорошо усвоил правило, что у каждого природного явления, даже несущего зло людям, должна быть какая-нибудь цель, часто скрытая от взора человеческого. Он иногда пытается определить эти цели, но специфика его умозаключений состоит в том, что все цели он сводит либо весьма прямолинейно к пользе человека, либо даже только к своей собственной пользе. То есть, Болотов не выходит за рамки незамысловатого антропоцентризма и бесхитростного эгоцентризма: все в природе создано для людей, а самое лучшее место в мире — это то место, где находится сейчас Болотов. И мысли об этом веселят сердце Болотова, и за это он славит Бога и Натуру. К тому же, Болотов неспособен еще признать автономию эстетического и не может отделить красоту от полезности. Поэтому его рассуждения о природе в прозе и стихах иногда имеют комический эффект: либо из-за несуразности обобщений о целесообразности явлений, либо из-за неудобоваримого сочетания прекрасного и полезного, высокого и низкого. Местами в такого рода рассуждениях можно разглядеть

оттенок самодовольства, что и стимулировано сарказм Шкловского, приводившего стихи Болотова как пример его тупости и ограниченности (Шкловский, 1928: 185).

Но помещение человека в центр мира не предполагает ориентацию на модерн, скорее, наоборот, болотовский антропоцентризм отрицает новоевропейского субъекта. Можно, наверное, сказать, что рассуждения Болотова о целесообразности наивны, но, с другой стороны, подобная телеология предохраняла человека от разрыва с миром, предотвращала разрыв между человеком и природой. Если природа служит человеку, если в природе все целесообразно, то вмешательство человека в природу становится излишним, нет необходимости воздействовать на природу, не надо воевать с природой, не надо нарушать природный порядок, созданный Всевышним Творцом. Агрессивность человека по отношению к природе становится избыточной, если природа и так работает на человека. Если человек и может вносить изменения в природу, то очень осторожно, сообразуясь с естественным порядком, и, конечно, изменения эти не должны быть резкими. Природа и Бог уже все дали Болотову, он доволен тем местом, которое занимает в Системе мира, ему остается только радоваться, что Бог ему все дал, и больше нечего ему требовать от природы.

Казалось бы, к Болотову можно отнести ту едкую критику, с которой Поуп обрушился на тех, кто считал, что мир, природа, животные, растения созданы только для человека. Но вряд ли сам Болотов эти строки из «Опыта о человеке» относил к себе. Поуп высмеивает «гордецов» и с опаской смотрит на дискурсы, из которых потом вырос новоевропейский субъект. У Болотова другое настроение: он не гордится своим положением в центре мира, он лишь радуется, что Бог предоставил ему все возможное, чтобы чувствовать себя счастливым и спокойным в данный момент, в данной точке вселенной. Болотовский антропоцентризм и эгоцентризм помогают принять мир без претензий к природе и мирозданию, природа все дала Болотову, ему остается только славить Бога и Природу (Бог и Природа иногда сливаются у Болотова, иногда Природа заменяет Бога), не пытаясь ничего самостоятельно отнять у мира и природы.

Отношения между Болотовым и природой построены по принципу дара. Болотов воспринимает все, что он получает от природы как дар. Природа дарит, а не человек забирает у природы. В процессе «любования красотами натуры» Болотов указывает на те благодеяния, которые приносит природа человеку. Болотов как будто не понимает, что значит

«покорять» природу. Это — несимметричный обмен между природой и человеком. Природа одаривает человека — человек смиренно и с благодарностью принимает дары природы, и тем самым, в соответствии с «экономикой дара» принимает власть природы (и Творца природы) над собой как нечто само собой разумеющееся. Мичуринский лозунг «не ждать милости от природы, взять их у нее — наша задача» совершенно чужд Болотову. Наоборот, человек получает все необходимое для жизни только благодаря милостям природы. На дискурсивном уровне любознательный и деятельный Болотов не видит природу как объект для преобразования.

Любопытно, что в рассказе о своей жизни Болотов время от времени пытается давать оценку событиям, произошедшим с ним, с точки зрения полезности. И он пытается обосновать, почему то или иное, иногда дурное событие, полезность которого не сразу видна, превращается в конечном счете во что-то благополучное для него. Болотов, описывая свою жизнь, исходит из правила, что каждый поворот в его жизни и связанные с ним события — это милость божья, у Бога есть какой-то план жизни Болотова. Самому Болотову этот план неизвестен, но, так как Бог любит Болотова (удачные для него стечения обстоятельств Болотов воспринимает как знаки Всевышнего, указывающие не его покровительство Болотову (Болотов, 1873: 531)), даже неприятные события оборачиваются в конце концов чем-то полезным и необходимым для его жизни в целом (иногда хотя бы тем, что упраздняют непригодную для Болотова жизненную альтернативу) — и Болотов при случае пытается проследить последствия тех или иных событий для него и его жизни. Но в подобных размышлениях о прошедших и актуальных событиях иногда — это заметно — срабатывают механизмы психологической защиты, которые старательно изгоняют из жизни Болотова все негативное, сохраняя неизбывный оптимизм Болотова в отношении прошлого, настоящего и будущего и поддерживая ощущение, что он живет в лучшем из миров для него из всех возможных.

Болотов — оптимист. Он оптимист по своему характеру, он ждет от жизни только хорошего, в том числе от загробной жизни. По отношению к оптимизму XVIII века это могло бы выглядеть как случайность. Но в рассказах о красотах природы болотовский индивидуальный оптимизм сливается с философским оптимизмом: совершенство Природы не оставляет сомнений в том, что мы живем в лучшем из миров. Несмотря

на то, что Болотов старательно позиционирует себя сторонником Крузия и вслед за своим кенигсбергским учителем Даниэлем Вейманом¹³ яростно осуждает Христиана Вольфа за деизм, он, скорее, хотя бы на интуитивном уровне является приверженцем концепции «лучшего из миров», пусть и в неприхотливой, упрощенной, простодушной форме.

Насколько этот оптимизм распространялся на общественные и государственные установления? Видимо, по крайней мере, до какой-то поры, Болотов и в социально-политических институтах видит некоторую законченность, «естественность», устойчивость. Это не отменяет критического взгляда на многое, происходящее в обществе и государстве. Болотов еще не погружен полностью в историческую темпоральность, но уже помещает себя в систему отсчета, где новое лучше старого, что помогает ему с яростью нападать на злящие его обычаи и привычки. Он достаточно критично настроен ко многим существовавшим в то время социальным нормам, он самоотстраняется от многих правил и ценностей маскулинной субкультуры, например, ему претят многие мужские забавы. Любит Болотов побранить начальство, но неспособен предать своих начальников и готов помочь им в трудную минуту даже с ущербом для себя, Он очень плохо относится к фаворитизму, его опытный и рациональный взгляд способен разглядеть недостатки и упущения в организации государственного хозяйства. Больше того, после французской революции Болотову спорадически, почти случайно, как результат печальной встречи с российской бюрократией, приходят мысли, что политический режим в России может быть изменен, что события, подобные французской революции, могут произойти и в России (от чего, конечно, Бог должен сохранить Россию), если министры и бюрократы будут вести себя по-прежнему, то есть препятствовать справедливому разрешению спорных дел (среди которых и дело уже старого Болотова) (Болотов, 1988: 52). Тем не менее, ни о каком радикализме не может быть и речи, лояльность Болотова государственной власти и общественно-политическому устройству не вызывает сомнений ни у самого Болотова, ни у его окружения. Он видит гармонию в природе. В обществе много такого, что препятствует гармонии, но, похоже, это несоответствие мало заботит Болотова. Рассказ о совершенстве природы

¹³Кстати, конфликт учившего Болотова философии в Кенигсберге крузианца Даниэля Веймана с Кантом произошел из-за работы «Опыт некоторых рассуждений об оптимизме», где Кант, вступая в полемику с Крузием, защищает «лучший из миров» (Гульга, 1981: 45–46). Но, как известно, впоследствии Кант весьма негативно оценивал свои ранние работы.

и рассказы о «происшествиях» в общественной жизни не соединяются друг с другом, но можно предположить, что представления о гармонии в природе поддерживали уверенность, что социально-политический порядок в целом не нуждается в изменениях: исторический процесс не терпит разрывов, данный нам государственный порядок есть порядок естественный, несмотря на отдельное зло, творимое отдельными людьми. Но зла и в природе Болотов видит достаточно, и он не знает, как объяснить это зло.

Болотов поразительно беспомощен при решении важной для оптимизма XVIII века проблемы: как объяснить наличие зла в «лучшем из миров». Чаще всего он старается обойти эту проблему стороной. Нельзя сказать, что Болотов даже не пытался найти положительные последствия от злых или бессмысленных явлений природы, как, например, это делал Зульцер, когда подробно описывал, для чего нужны, например, холодные и жаркие бесплодные пустыни и безлюдные горы, пытаясь тем самым убедить, что только глупые люди хотят сей свет лучше сделать (Зульцер, Протопопов, 1777: 264–277). В природе все есть благо. Как упоминалось выше, Болотов усвоил правило, что даже зло в Натуре бывает «не по-пустому» и должно нести пользу человеку, и поэтому, например, отказывается, подобно другим, сетовать на осеннее ненастье или пытается объяснить, для чего нужны наст и морозы на исходе зимы (Болотов, 1993: 277, 333). Но чаще всего после красочных описаний того зла, которое природа несет людям, Болотов радуется, что сам находится в тепле и занимается любимыми делами, и мысль о том, что беды, претерпеваемые другими людьми, проходят мимо него, доставляет ему дополнительное удовольствие.

Французская революция, заставившая содрогнуться добродетельные умы, хотя и не проходит мимо Болотова и будоражит его воображение, но не порождает тяжелых раздумий о разрывах и провалах в мироздании. Что заметно отличает его, например, от Карамзина, который в середине 90-х годов сокрушается о гибели в крови и пламени Века просвещения (Карамзин, 1984а). Но в конце концов Карамзин возвращается к тем же до боли знакомым суждениям (встречаемым у Лейбница, Шефтсбери, Поупа, Вольфа, Зульцера и многих других) о целесообразности зла: если есть гармония в природе, значит должна быть гармония в человечестве, пусть и недоступная простым смертным (разный уровень знаний о мире — у людей и у ангелов — предполагает разную оптику взгляда на мир и разную оценку событий: ангелы знают больше и, соответственно, там, где люди видят неустройство и разрушение, ангелы

видят совершенство); жестокие потрясения в нравственном мире сравнимы с землетрясениями в природе — лиссабонским и мессинским, и так же, как после сих природных катаклизмов, мирная жизнь и процветание снова доступны жителям некогда разрушенных городов, так и в истории человечества темные и жестокие времена сменяют светлые и просвещенные; как и в природе, зло в истории «работает» на благо человечества в целом. Любопытно, что Карамзин приводит примеры не только из мира природных явлений, но и из мира истории, где, как он считает, варварство Средних веков способствовало дальнейшему распространению света наук (Карамзин, 1984с: 188–189), как и в природе зло служит добру. Человек от природы добр, лишь по заблуждению бывает злым, но природа никогда не бывает злой.

В этих текстах Карамзин, как и Болотов, принадлежит оптимизму XVIII века, хотя, конечно, в суждениях, касающихся проблемы зла, Карамзин чувствует себя намного увереннее, чем Болотов. И к тому же оптимизм уже раздражает Карамзина своей абстрактностью: «Оптимизм не философия, а игра ума...» (Карамзин, 1984b: 204)¹⁴. Карамзин видит подступающую новую эпоху; Болотов, похоже, остался верен XVIII веку до конца своих дней.

И для Зульцера, и для Болотова природа — это храм, в котором ничего нельзя и невозможно переделать. «Любование природой» — это своего рода восхождение к храму, непременно сопровождаемое удовольствием, когда человек познает совершенство и гармонию в природе, где все целесообразно и занимает свои, положенные Творцом, места. Но уже к концу XVIII века начинают меняться представления о человеке, о природе, о взаимоотношении человека с природой, об обществе, истории и многом другом. Ко времени написания болотовских писем о красотах природы прошло уже десять с лишним лет с тех пор, как появилась «Критика чистого разума». Уже набирал силу романтизм с его любовью к необычному, индивидуальному, взламывающему границы и выходящему за пределы.

В 1772 году молодой Гете яростно обрушился на Зульцера и его словарь (тот самый, который в 1811 году российская академия во главе с Нартовым признала важным для упражняющихся в российской словесности и рекомендовала к переводу статьи, касающиеся оной) с обвинениями в пустом и унылом морализаторстве, интересном только

¹⁴Об отношении Карамзина с оптимизмом XVIII века см. Галахов, 1858.

школярам и дилетантам. Гете надо было обосновать автономию эстетического, независимость красоты и искусства от морали, добра, и любой другой полезности. Поэтому для Гете уже нет единства и миролюбивого сосуществования между человеком и природой, несущей добро людям, по мнению Зульцера. Красота природы («любование природой») не учит добру, природа несет людям боли и беды, — утверждает Гете, не забыв намекнуть на лиссабонское землетрясение. Природа — это грозная сила, противоположная искусству, так как искусство «...возникает из усилий индивидуума, сопротивляющегося разрушительной силе целого» (Гете, Закс, 1975: 75–76). Природа закаляет человека для того, чтобы человек мог победить природу: «...человек во все эпохи укрепляет себя, чтобы сопротивляться природе, чтобы избегать тысяч исходящих от нее бедствий и в полной мере наслаждаться ее благами...» (там же: 76). Это уже почти доходящий до вражды разрыв между человеком и природой. В борьбе с природой человек обретает свое право на счастье. Вскоре суждения, предполагающие разрыв между человеком и природой, прочно обосновываются в дискурсивном пространстве Европы и России.

Образующийся разрыв между человеком и природой преодолевается за счет возвышения человека. Человек становится преобразователем природы, хозяином природы. Научное знание, полностью отделившись от эстетики и морали, ищет «объективные законы» природы, чтобы с их помощью воздействовать на нее: переделывать, изменять, покорять.

Но не только разум покоряет природу. Красота природы попадает в зависимость от внутреннего состояния человека. Предполагается тесное взаимодействие переживаний человека и образов природы. Зрение становится неустойчивым и подвижным. Культивируется субъективность взгляда, когда волнения души определяют видение природы. Даже если природа не соответствует эмоциональному состоянию человека, то подчеркивается разлад между настроением человека и состоянием природы, то есть человек видит природу, отталкиваясь от своего настроения (например, меланхолия сильнее ощущается в яркий радостный солнечный день). Переживания человека заставляют природу соответствовать им. Картины природы теперь не просто внешний раздражитель человеческих чувств: они становятся частью переживаний, подстраиваются под переживания, получают свою ценность только вместе с субъективными переживаниями человека. Образы природы становятся частью внутреннего мира. Человек не столько отражает природу, как в камере-обскуре, сколько создает природу вместе со своими переживаниями. Природный мир замыкается в человеке.

Уже в «Страданиях юного Вертера» при встрече Вертера с природой «...речь идет не столько о восприятии внешнего мира, сколько о конституировании субъективного мира чувств...» (Кемпер, Жеребкин, 2009: 91). В данном случае речь идет не о эмоционально окрашенном восприятии, а о «сотворении мира» из глубины переполненного сердца, и «Вертер наслаждается не творением божьим, а своим собственным, и своей собственной творческой способностью» (там же: 94–94).

Природа подчиняется переживаниям, природа используется для создания «субъективных» миров, в конце концов, чисто технически природа нужна для демонстрации переживаний и эмоциональных состояний человека. В современной литературе и литературоведении (живописи, фотографии, кино) репрезентация эмоционального состояния человека через картины природы стала своего рода шаблоном: изображения природы раскрывают состояние человека. Картины и образы природы становятся неотделимы от состояния человека и мира, человеком созданного. Случайность человеческого настроения, человеческий произвол дают жизнь картинам природы. Природа лишается самостоятельного существования вне человеческих переживаний.

Между природой и Болотовым складываются своего рода «партнерские отношения». Если и есть асимметрия в этих отношениях, то в сторону природы: Болотов признает ее превосходство над собой. Соответствующим образом устроен взгляд Болотова, который не предполагает никакого влияния субъективности на восприятие красоты природы, в результате чего природа открыта Болотову в своей уникальности и связанности. При доминировании переживаний асимметрия склоняется в сторону человека, переживания господствуют над взглядом, и человеку открываются в первую очередь его собственные переживания, а природа — лишь посредник в этой саморепрезентации и в этом самопознании.

В XIX–XX веках впечатляющими темпами происходит эстетизация природы. С одной стороны, благодаря литературе, живописи, потом и фотографии множится количество образов «красивой природы». С другой стороны не без помощи массового образования растет количество социальных акторов, способных «видеть» красоту природы. С юных лет, со школы современный человек погружен в изображения и образы «красивой природы». При встрече с природой люди автоматически опознают образы, которые знакомы им с детства. Для того, чтобы овладеть искусством наслаждаться «красотами натуры» теперь не нужно специальных усилий, не нужно делать выбор в пользу определенно-го типа культурного поведения. Уже в период ранней социализации

знание о том, что природой можно и нужно любоваться, насаждается культурой повсеместно, почти с принудительной силой. Современный человек даже может не вживаться в роль любителя природы, он просто знает, что получать удовольствие от созерцания природы — это норма. Приобщение к «любованию природой» становится неосозанным, спонтанным. «Любование природой» давно вошло в разряд естественного типа поведения. Растворенное в повседневных практиках умение «любоваться природой» теряет часть своей символической значимости (стоимости), и доля этого навыка в структуре культурных капиталов значительно снижается по сравнению с XVIII в. и уже не может быть важным маркером для культурной и социальной дифференциации, как во времена Болотова в России. К тому же где-то с XIX в. на зрение человека налагается другое значимое культурное обязательство: видеть не просто природу, но уметь распознавать и видеть «родную природу», чему тоже обучают, начиная со школьных картинок в букваре, в то время как для Болотова даже любимые им березки не являлись символом «русскости», то есть природа не имела национальной специфики. Расширение возможностей технического воспроизводства образов природы порождает потоки образов, которые отдаляют человека от непосредственного живого восприятия природы, направляют и регулируют взгляд людей при встрече с природой. Возможно, «природа» в современном мире — часть «общества спектакля», если следовать в рассуждениях за Ги Дебором и его критикой капитализма.

После рассказов Болотова о «любовании природой» отношения между зрением и природой значительно изменились, и все изложенное в последних абзацах призвано продемонстрировать в общих чертах, в каком направлении двигались эти изменения.

Источники

- Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. 1738–1793. В 4 т. Т. 1. — СПб. : Русская старина, 1870.
- Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. 1738–1793. В 4 т. Т. 3. — СПб. : Печатня В.И. Голвина, 1872.
- Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. 1738–1793. В 4 т. Т. 4. — СПб. : Типография В.С. Балашова, 1873.
- Болотов А. Т.* Письма к сыну // Наше наследие. — 1988. — № 2. — С. 48–55.

- Болотов А. Т.* Памятник протекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах // Записки очевидца: воспоминания, дневники, письма / под ред. М. Вострышева. — М. : Современник, 1989. — С. 6–276.
- Болотов А. Т.* Избранное. — Псков : ПОИПКРО, 1993.
- Болотов А. Т.* Детская философия // Детская философия. — СПб. : Петрополис, 2012а. — С. 33–350.
- Болотов А. Т.* Путеводитель к истинному человеческому счастью // Детская философия. — СПб. : Петрополис, 2012б. — С. 353–853.
- Вольф Х.* Метафизика / пер. с лат. В. А. Жучкова // Христиан Вольф и философия в России / под ред. В. А. Жучкова. — СПб. : Издательство русского христианского гуманитарного института, 2001. — С. 227–358.
- Галахов А. Д.* Карамзин, как оптимист // Отечественные записки. — 1858. — Т. 116, № 1. — С. 107–146.
- Гете И.-В.* Изящные искусства / пер. с нем. Е. Закс // Об искусстве. — М. : Искусство, 1975. — С. 72–78.
- Зульцер И.* Разговоры о красоте естества / пер. с нем. М. Протопопова. — СПб. : Императорская Академия Наук, 1777.
- Зульцер И.* Новая теория удовольствий / пер. с фр. И. Левитского. — СПб. : Императорская Академия Наук, 1813.
- Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения / пер. с нем. Н. М. Соколова // Сочинения. В 6 т. Т. 6 / под общ. ред. Т. И. Ойзермана. — М. : Мысль, 1966. — С. 349–588.
- Карамзин Н.* Мелодор к Филарету // Сочинения. В 2 т. Т. 2. — Л. : Художественная литература, 1984а. — С. 178–183.
- Карамзин Н.* О счастливейшем времени жизни // Сочинения. В 2 т. Т. 2. — Л. : Художественная литература, 1984б. — С. 204–206.
- Карамзин Н.* Филалет к Мелодору // Сочинения. В 2 т. Т. 2. — Л. : Художественная литература, 1984с. — С. 183–189.
- Лавджой А.* Великая цепь бытия : история идеи / пер. с англ. В. Софронова-Антони. — М. : Дом интеллектуальной книги, 2001.
- Лейбниц Г. В.* Монадология / пер. Е. Н. Боброва // Сочинения. В 4 т. Т. 1 : пер. с фр. / под ред. В. В. Соколова. — М. : Мысль, 1982. — С. 413–429.
- Лейбниц Г. В.* Новые опыты о человеческом разумении автора системы пред-установленной гармонии / пер. П. Юшкевича // Сочинения. В 4 т. Т. 2 : пер. с фр. / под ред. И. С. Нарского. — М. : Мысль, 1983. — С. 47–545.
- Михайлов А. В.* Общий комментарий / пер. А. В. Михайлова // Эстетические опыты / Э. Шефтсбери ; коммент. А. В. Михайлова ; пер. с англ. А. В. Михайлова. — М. : Искусство, 1975. — С. 484–519.
- Попе А.* Опыт о человеке / пер. с фр. Н. Поповского. — М. : Университетская типография, 1802.
- Фенелон Ф.* Телемак / пер. с фр. Ф. Лубяновского. — М. : РИМИС, 2011.

- Шефтсберн Э.* Моралисты / пер. А. В. Михайлова // Эстетические опыты / коммент. А. В. Михайлова ; пер. с англ. А. В. Михайлова. — М. : Искусство, 1975. — С. 77–236.
- Шкловский В. Б.* Краткая и достоверная повесть о дворянине Болотове // Красная Новь. — 1928. — № 12. — С. 97–186.
- Сухомлинов М. И.* История Российской академии в 8 вып. // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. — 1878. — Т. XIX, № 1.

ЛИТЕРАТУРА

- Веселова А. Ю.* Натурологическая поэзия А. Т. Болотова // Память как механизм культуры в русском литературном процессе / под ред. Н. В. Володиной, Е. В. Грудевой, Е. Е. Соловьевой. — Череповец : Череповецкий государственный университет, 2014. — С. 28–35.
- Гулыга А. В.* Кант. — М. : Молодая гвардия, 1981.
- Кемпер Д.* Гете и проблема индивидуальности в культуре эпохи модерна / пер. с нем. А. И. Жеребкина. — М. : Языки славянской культуры, 2009.
- Крэри Д.* Техники наблюдателя / пер. с англ. Д. Потемкина. — М. : V-A-C press, 2014.
- Осват К. А.* Sublime misanthrope : Ломоносов в 1760–1761 годах // Новое литературное обозрение. — 2004. — Т. 69. — URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/osp11.html> (дата обр. 8 нояб. 2018).
- Осват К. А.* Ломоносов и «Письмо о пользе стекла» : поэзия и наука при дворе Елизаветы Петровны // Новое литературное обозрение. — 2007. — Т. 87. — URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/87/os9.html> (дата обр. 8 нояб. 2018).
- Энгельс Ф.* Дialeктика природы / пер. Ю. И. Айхенвальда // Собрание сочинений. В 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс ; пер. с нем. Ю. И. Айхенвальда. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. — С. 339–626.
- Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / пер. с англ. В. Макарова. — М. : Новое литературное обозрение, 2013.

Mal'tsev, A. A. 2019. "‘Vzglyad’ i metafora vzglyada v sochineniyakh A. T. Bolotova [‘Vision’ and the Metaphor of Vision in the Writings of Andrey Bolotov]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* III (2), 15–48.

ANDREY MAL'TSEV
PHD IN SOCIOLOGY; INDEPENDENT RESEARCHER

“VISION” AND THE METAPHOR OF VISION IN THE WRITINGS OF ANDREY BOLOTOV

Abstract: The article explores the problem of “vision” in the writings of the memoirist, scientist, philosopher A. T. Bolotov (1738–1833). German philosophers and especially Johann

Georg Sulzer influenced the “vision” of the nature of Bolotov. Bolotov’s works are analyzed, where he describes how he admires nature. In order to admire the nature it is necessary to adjust the vision correctly so one can see even the smallest of the phenomena of nature and their interconnections. Bolotov uses the metaphor of the machine. A properly adjusted vision sees the uniqueness and expediency of each natural phenomenon. In the present paper the pleasure that Bolotov gets from the contemplation of nature is also investigated. Bolotov observes nature, but doesn’t see himself as a conqueror and converter of nature. Bolotov’s ideas about harmony in nature are consistent with the optimism of the 18th century, but Bolotov is helpless in trying to solve the problem of evil in the “best of worlds”. In addition, in present paper Bolotov’s self-identification through the “admiration of nature” is analysed.

Keywords: Andrey Bolotov, Nature, Visual, Vision, Russian Philosophy of the 18th century, 18th century.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-15-48.

REFERENCES

- Bolotov, A. T. 1870. [in Russian]. Vol. 1 of *Zhizn' i prikl'yucheniya Andreya Bolotova, opisannyye im samim dlya svoikh potomkov. 1738–1793* [The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Described by Him for His Descendants: 1738–1793]. 4 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Russkaya starina.
- . 1872. [in Russian]. Vol. 3 of *Zhizn' i prikl'yucheniya Andreya Bolotova, opisannyye im samim dlya svoikh potomkov. 1738–1793* [The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Described by Him for His Descendants: 1738–1793]. 4 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Pechatnya V. I. Golovina.
- . 1873. [in Russian]. Vol. 4 of *Zhizn' i prikl'yucheniya Andreya Bolotova, opisannyye im samim dlya svoikh potomkov. 1738–1793* [The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Described by Him for His Descendants: 1738–1793]. 4 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya V. S. Balashova.
- . 1988. “Pis'ma k synu [Letters to Son]” [in Russian]. *Nashe naslediyе* [Our Heritage], no. 2: 48–55.
- . 1989. *Pamyatnik protekshikh vremen, ili Kratkiye istoricheskkiye zapiski o byvsikh proisshestviyakh i o nosivshikhnya v narode slukhakh* [The Records of the Old Days, or Brief Historical Notes on Past Occurrences and Rumors That Were in the Air] [in Russian]. In *Zapiski ochevidtsa: vospominaniya, dnevmiki, pis'ma* [The Notes of an Eyewitness: Memoirs, Diaries, Letters], ed. by M. Vostryshhev, 6–276. Moskva [Moscow]: Sovremennik.
- . 1993. *Izbrannoye* [Selected Works] [in Russian]. Pskov: POIPKRO.
- . 2012a. *Det-skaya filozofiya* [Philosophy for Children] [in Russian]. In *Det-skaya filozofiya* [Philosophy for Children], 33–350. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Petropolis.
- . 2012b. *Putevoditel' k istinnomu chelovecheskomu schastiyu* [Genuine Human Happiness Guidebook] [in Russian]. In *Det-skaya filozofiya* [Philosophy for Children], 353–853. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Petropolis.
- Engel's, F. 1961. *Dialektika prirody* [Dialektik der Natur] [in Russian]. In *Sobraniye sochineniy* [Collected Works], by K. Marks and F. Engel', trans. from the German by Yu. I. Aykhental'd, 339–626. 50 vols. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.

- Etkind, A. 2013. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii [Internal Colonization. Russia's Imperial Experience]* [in Russian]. Trans. from the English by V. Makarov. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Fenelon, F. 2011. *Telemek [The Adventures of Telemachus]* [in Russian]. Trans. from the French by F. Lubyantsovskiy. Moskva [Moscow]: RIMIS.
- Galakhov, A. D. 1858. "Karamzin, kak optimist [Karamzin as an Optimist]" [in Russian]. *Otechestvennyye zapiski* 116 (1): 107–146.
- Gete, I.-V. 1975. "Iz'yashchnyye iskusstva [Beautiful Arts]" [in Russian]. In *Ob iskusstve [About Art]*, trans. from the German by Ye. Zaks, 72–78. Moskva [Moscow]: Iskusstvo.
- Gulyga, A. V. 1981. *Kant [Kant]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Molodaya gvardiya.
- Kant, I. 1966. "Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya [Anthropologie in pragmatischer Hinsicht]" [in Russian]. In vol. 6 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by T. I. Oyzerman, trans. from the German by N. M. Sokolov, 349–588. 6 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Karamzin, N. "Filalet k Melodoru [Filalet to Melodor]" [in Russian]. In Karamzin, 183–189.
- . "Melodor k Filaretu [Melodor to Filaret]" [in Russian]. In Karamzin, 178–183.
- . "O schastiveyshem vremeni zhizni [Happiest Time in Life]" [in Russian]. In Karamzin, 204–206.
- Kemper, D. 2009. *Gete i problema individual'nosti v kul'ture epokhi moderna [Goethe und die Individualitätsproblematik der Moderne]* [in Russian]. Trans. from the German by A. I. Zhrebkin. Moskva [Moscow]: Yazyki slavyanskoj kul'tury.
- Kr-eri, D. 2014. *Tekhniki nablyudatelya [Techniques of the Observer]* [in Russian]. Trans. from the English by D. Potemkin. Moskva [Moscow]: V-A-C press.
- Lavdzhoj, A. [Lovejoy, A.] 2001. *Velikaya tsep' bytiya [The Great Chain of Being]: istoriya idei [A Study of the History of an Idea]* [in Russian]. Trans. from the English by V. Sofronov-Antonomi. Moskva [Moscow]: Dom intellektual'noy knigi.
- Leybnits, G. V. [Leibniz, G. W.] 1982. *Monadologiya [Monadology]* [in Russian]. In vol. 1 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by V. V. Sokolov, trans. from the French by Ye. N. Bobrov, 413–429. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1983. *Novyye opyty o chelovecheskom razumenii avtora sistemy predustanovlennoy garmonii [New Essays on Human Understanding]* [in Russian]. In vol. 2 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by I. S. Narskiy, trans. from the French by P. Yushkevich, 47–545. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Mikhaylov, A. V. 1975. "Obshchiy kommentariy [General Commentary]" [in Russian]. In *Sheft-sberi* 1975, 484–519.
- Ospovat, K. A. 2004. "Sublime misanthrope [Sublime misanthrope]: Lomonosov v 1760–1761 godakh [Lomonosov in 1760–1761]" [in Russian]. *Novoye literaturnoye obozreniye* 69. Accessed Nov. 8, 2018. <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/69/osp11.html>.
- . 2007. "Lomonosov i 'Pis'mo o pol'ze stekla' [Lomonosov and 'Letter on the Usefulness of Glass']: poeziya i nauka pri dvore Yelizavety Petrovny [Poetry and Science at the Court of Elizaveta Petrovna]" [in Russian]. *Novoye literaturnoye obozreniye* 87. Accessed Nov. 8, 2018. <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/87/os9.html>.
- Pope, A. 1802. *Opyt o cheloveke [Essay on Man]* [in Russian]. Trans. from the French by N. Popovskiy. Moskva [Moscow]: Universitet-skaya tipografiya.
- Sheft-sberi, E. 1975. "Moralisty [The Moralists]" [in Russian]. In *Esteticheskiye opyty [Essays on Aesthetic]*, comm. by A. V. Mikhaylov, trans. from the English by A. V. Mikhaylov, 77–236. Moskva [Moscow]: Iskusstvo.

- Shklovskiy, V. B. 1928. "Kratkaya i dostovernaya povest' o dvoryanine Bolotove [Short but Trustworthy Story about a Nobleman Bolotov]" [in Russian]. *Krasnaya Nov' [Red Virgin Soil]*, no. 12: 97–186.
- Sukhomlinov, M. I. 1878. "Istoriya Rossiyskoy akademii v 8 vyp. [History of the Russian Academy in 8 issues]." *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk* XIX (1).
- Veselova, A. Yu. 2014. "Naturoligicheskaya poeziya A. T. Bolotova [The Natural Poetry of A. T. Bolotov]" [in Russian]. In *Pamyat' kak mekhanizm kul'tury v russkom literaturnom protsesse [Memory as a Mechanism of Culture in the Russian Literary Process]*, ed. by N. V. Volodinoy, Ye V. Grudevoy, and Ye. Ye. Solov'yevoy, 28–35. Cherepovets: Cherepovetskiy gosudarstvennyy universitet.
- Vol'f, Kh. 2001. *Metafizika [Reasonable Thoughts on God, the Word, the Soul of Man, and Things in General]* [in Russian]. In *Khristian Vol'f i filosofiya v Rossii [Christian Wolff and Philosophy in Russia]*, ed. and trans. from the Latin by V. A. Zhuchkov, 227–358. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdatel'stvo russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta.
- Zul'tser, I. 1777. *Razgovory o krasote yestestva [Dialogues on the Beauty of Nature]* [in Russian]. Trans. from the German by M. Protopopov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Imperatorskaya Akademiya Nauk.
- . 1813. *Novaya teoriya udovol'stviy [Nouvelle théorie des plaisirs]* [in Russian]. Trans. from the French by I. Levit'skiy. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Imperatorskaya Akademiya Nauk.